

УДК / UDC 130.2

Категориальная семиотика оппозиции *деревня-город* в современном эсхатологическом дискурсе

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Бинарная оппозиция *деревня-город* регулярно воспроизводится в современных эсхатологических нарративах. Город в них интерпретируется как место большинства апокалипсических катастроф, пространство активного преследования и уничтожения верующих. Деревня, соответственно, интерпретируется как локус, находясь в котором можно минимизировать эсхатологические бедствия и в итоге спастись духовно и физически. Несмотря на важное структурное и семантическое значение для понимания современной популярной эсхатологии, данная оппозиция остается неопианной и не исследованной.

Материалы и методы. Источниками исследования являются оригинальные эсхатологические тексты: апокрифические и псевдонимные пророчества о конце света, приписываемые различным старцам и провидцам XX–XXI вв. Статья выполнена в рамках семиогерменевтического подхода. Используется метод категориального семиотического анализа. Данный метод предусматривает выделение категориального, субкатегориального и гиперкатегориального уровней значения и изучение их специфики. Для уточнения субкатегориального уровня значения используется неколичественный контент-анализ.

Результаты исследования. Категориальному значению оппозиции *деревня-город* соответствует противопоставление на символическом уровне развращенного города, проживание в котором во время эсхатологических событий будет исключительно тяжелым и опасным, относительно спокойной и безопасной деревни, в которой последствия катастроф и бедствий будут минимальными. Субкатегориальному уровню соответствуют конкретные города (в анализируемом корпусе текстов упомянуты 14 урбанонимов), причем прослеживаются различия в характере предстоящих бедствий. Субкатегориальный уровень значения концепта «деревня» оказывается мало разработанным. Гиперкатегориальный уровень отражает сложные мистико-символические смыслы. Данный уровень раскрывается в мифологеме вечного возвращения – обновления земли. Деревня интерпретируется как символ грядущего «золотого века», которому будет соответствовать конец городской цивилизации.

Выводы. Мифотеологема эсхатологического города популярна среди горожан, ориентированных на деревенскую архаику. Формируемый ими образ деревни имеет мало общего с современной реальностью, так как он основывается на мифологемах, конструируемых и развиваемых городскими жителями, зачастую не имеющими адекватного опыта деревенской жизни.

© А. М. Прилуцкий, 2020

© Alexander M. Prilutski, 2020

Ключевые слова: город, деревня, эсхатология, мифология, бинарные оппозиции, категориальная семиотика, семиотика религии.

Для цитирования: Прилуцкий А. М. Категориальная семиотика оппозиции *деревня-город* в современном эсхатологическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 80–93.

Categorical semiotics of the *village-city* opposition in the modern eschatological discourse

Alexander M. Prilutski

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The binary *village-city* opposition is regularly reproduced in modern eschatological narratives. The city is interpreted as the place of terrible apocalyptic catastrophes, the space of active persecution and destruction of believers. The village, respectively, is interpreted as a locus, where folk can minimize eschatological disasters and ultimately be saved, spiritually and physically. Despite the important structural and semantic significance for understanding modern popular eschatology, this opposition remains undescribed and unexplored.

Materials and methods. Original eschatological texts are the sources of the research: there are apocryphal and pseudonymous prophecies about the end of the world, attributed to various elders and seers of the XX–XXI centuries. The author uses semiotic and hermeneutic methodologies. The main one is the method of categorical semiotic analysis. This method is based on the study of categorical, sub-categorical and hyper-categorical levels of significance. Non-quantitative content analysis is used to clarify the sub-categorical level of significance.

Results. The categorical meaning of the *village-city* opposition corresponds to the symbolic opposition of the depraved city, accommodation in which during eschatological events will be extremely difficult and dangerous relative to a calm and safe village, in which the catastrophes consequences will be minimal. Sub-categorical level corresponds to specific cities (14 urbanonyms), so differences in the nature of impending disasters are traced. The sub-categorical level of the concept of “village” meaning is poorly developed. The hyper-categorical level reflects complex mystic-symbolic meanings. This level is revealed in the eternal return mythologem – the renewal of the earth. The village is interpreted as the coming “golden age” symbol, which will correspond to the end of the urban civilization.

Conclusion. The mythotheologeme of the eschatological city is popular among the townspeople oriented towards the village archaic. The image of the village formed by them has little in common with modern reality, since it is based on mythologies constructed and developed by urban residents, who often do not have adequate experience in village life.

Key words: city, village, eschatology, mythology, binary oppositions, categorical semiotics, semiotics of religion.

For citation: Prilutski, A. M. (2020). Kategorial'naya semiotika oppozitsii *derevnya-gorod* v sovremennom eskhatologicheskom diskurse [Categorical semiotics of the *village-city* opposition in the modern eschatological discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 80–93. (In Russian).

Введение

Бинарная оппозиция *деревня-город* фиксируется во многих локусах современной эсхатологии. При этом ее компоненты часто выступают в качестве семиотических маркеров принадлежности к определенному культурно-этическому укладу, специфика которого может быть понята только через противопоставление: для эсхатологии вообще свойственно операции с бинарными оппозициями [9]. Последняя особенность часто носит имплицитный характер и реализуется на уровне коннотаций, но, тем не менее, ее наличие характерно. И это несмотря на то, что с точки зрения социального знания, противопоставление города и деревни сегодня утратило структурную четкость: городской образ жизни успешно транслируется и воспроизводится за границами городских поселений, стереотипы городской культуры перестают восприниматься как маркеры постоянного проживания в городе, сезонная миграция горожан за границы городских поселений и тому подобные процессы способствуют снятию этой оппозиции.

Понятно, что дискурс современной эсхатологии в меньшей степени ориентирован на корректное воспроизведение нынешних социальных реалий [8, с. 28]. Более того, последовательное воспроизведение в нем указанной оппозиции может рассматриваться как ностальгическая реминисценция той культурной ситуации, для которой противопоставление деревни городу было парадигматическим, и к которой концептуально восходит урбанофобский миф, обладающий, несмотря на «параноидальность», своеобразной творческой силой [15, р. 196]. Апокрифические пророчества во взаимодействии с народными верованиями (на подобное взаимодействие обращает внимание Т. А. Бернштам [1, с. 203]) формируют сложный дискурс эсхатологического мифа, где обнаруживается рассматриваемая оппозиция.

Будучи разновидностью бинарной оппозиции *живое-мертвое*, оппозиция *деревня-город*, регулярно воспроизводящаяся в дискурсе современных эсхатологических пророчеств, свидетельствует о мифологическом характере соответствующего мировоззрения (по известному наблюдению К. Леви-Строса, мифологическое сознание оперирует бинарными оппозициями [16]). При этом, как правило, в мифе мы имеем дело не с одной парой оппозиций, но с их «пучками» и сочетаниями, разнообразием в взаимопереходах, трансформацией метафор (образов) и развёртыванию смысла, сокрытого в глубинах мифического содержания [11, с. 67–77].

Подверженные семантическому и семиотическому дрейфу, элементы бинарной оппозиции *деревня-город* варьируют семиотические свойства. В результате мифологические метафоры начинают развивать в своей семантике и семиотике свойства и качества теологического символа, формируются эсхатологические мифотеологемы с плохо структурированным значением, неустойчивой и неопределенной границей между уровнями значений.

Оппозиция *деревня-город* в современном эсхатологическом дискурсе интерпретируется через противопоставление двух сотериологических локусов, имеющих различную модальность: в условиях эсхатологических катастроф спасение (и духовное, и физическое) в городе исключительно затруднено, оно возможно только в деревне. Однако за сотериологическим противопоставлением угадывается конфликт культурных кодов, непосредственно с сотериологией не связанных. Я полагаю, что в данном случае сотериологическое противопоставление является выражением глубинного конфликта городской и сельской традиционностей.

Сельская традиционность во многом сближается с архаикой [3, с. 32], и в этом состоит ее принципиальная особенность. Соответственно, имеются все основания сельскую традицию рассматривать как архаическую, а городскую – как пост-архаическую. Поэтому сельская традиция, в отличие от городской: (1) менее упорядочена, она не обладает рациональной структурой; (2) менее устойчива по отношению к внешнему воздействию; (3) наконец, сельская архаическая традиция не кристаллизуется в социальных формах (это свойство традиции городской), «но оседает на психологическом уровне, прежде всего – на уровне подсознания» [6, с. 5].

Разумеется, городская пост-архаическая традиционность, с точки зрения архаизированной сельской, воспринимается не как особый уклад традиционной культуры, но как принципиальное и последовательное отрицание ее онтологических основ. Таким образом, происходящая из недр мифологического архаического мировосприятия, пост-архаика интерпретируется как пост-традиция, как своего рода квинтэссенция модернизма. За бинарной оппозицией *деревня-город*, раскрываемой в контексте апокалипсического нарратива, угадываются контуры конфликта культурных кодов. Изучение этих кодов предполагает, по нашему мнению, использование семиотической методологии.

Методология исследования

Данное исследование выполнено в рамках категориального семиотического анализа. В его основе лежит выделение в системе значений анализируемого элемента семиозиса трех уровней: категориального, субкатегориального и гиперкатегориального.

Категориальное значение является основным. Для того, чтобы его выявить, необходимо установить такой смысл анализируемого элемента семиозиса, который сохраняется в различных условиях коммуникации, то есть не зависит от них. Для этого необходимо использовать классический сравнительный метод: сравнивая значения какого-либо семиотически значимого объекта, реализуемые им в различных коммуникативных хронотопах, мы находим некое семантическое ядро, которое и соотносится с категориальным значением. При этом необходимо определить тот субдискурс, в котором осуществляется семиозис, и работать исключительно в его границах. Так, если объект анализа преимущественно воспроизводится в субдискурсе литургическом, то вариации коммуникативного хронотопа должны соответствовать литургическому значению, а не догматическому, или, например, аскетическому. Выход за пределы субдискурса будет формировать явление, подобное распаду полисемии.

В основе *субкатегориального уровня* – категоризация, позволяющая формализовать такие компоненты изучаемого явления, которые оказываются несущественными для категориального значения. Если для выявления категориального значения мы искали инвариантное семантическое ядро, которое не зависит от конкретики коммуникативного контекста, то на субкатегориальном уровне предметом выявления являются как раз динамичные компоненты значения. Для субкатегориального значения актуальны такие условия коммуникации, как языковая личность говорящего, условия коммуникации, ее смысловые контексты, эмотивный фон, особенности прагматики высказывания (ее иллокутивная сила). Количество таких субкатегорий может быть весьма значительным, и выделение их зависит от решаемой исследовательской задачи.

Гиперкатегориальный уровень значения является наиболее сложным для анализа. Например, для религиозного семиозиса гиперкатегориальный уровень значения выступает как своего рода абстрактный символический мистико-теологический смысл, которым обладают религиозные феномены и процессы в силу того, что входят в кластеры родственных явлений и понятий (виды и роды).

Так, гиперкатегориальный уровень символизма иконы не зависит от того, кто именно изображен на ней (при условии соблюдения канона) и в рамках какого хронотопа данная икона воспринимается участниками коммуникации. Поэтому гиперкатегориальному уровню значения в большей степени будет

соответствовать определению VII Вселенского Собора, раскрывшее символическую природу иконы, – «честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней». То же можно сказать и о понятии «чудотворная икона», имплицитно символизирующем действие благодати Бога в мире. Уже из этих примеров видно, что гиперкатегориальный уровень, подобно субкатегориальному, зависит от условий коммуникации, от теологической компетентности и чуткости говорящих, от их семиотических интуиций.

Иными словами, категориальный уровень задает тождественность предмета категории (икона воспринимается именно как икона, всеми узнаваемая в таком качестве), субкатегориальный уровень конкретизирует предмет в соответствии с качествами конкретного коммуникативного контекста, а гиперкатегориальный уровень соответствует мистико-богословским смыслам.

Исследование и результаты

Категориальное значение элементов бинарной оппозиции *деревня-город* формируется в контексте эсхатологического профетического нарратива и в соответствии с логикой развития эсхатологического сюжета. Его лейтмотивом является описание эсхатологических катастроф и бедствий; современный эсхатологический дискурс может быть определен как дискурс страха, причем нагнетание страха часто идет по паттернам фильмов ужаса [2, с. 49].

Будучи элементом эсхатологического хронотопа и одновременно апокалипсическим символом, концепт «город» формирует символическое значение места нечестия и, одновременно, основных эсхатологических бедствий и катастроф. Горожане – и потенциально, и актуально нечестивы. «Никак теперь нельзя на этажи (жить в многоэтажных домах. – прим. публикатора). Теперь теснота, везде народ плохой, теперь своим умыслом нечистым они верующий народ теснят»¹, – соответственно, горожане противопоставляются «верующему народу» и имплицитно исключаются из числа последнего.

Иногда эсхатологические бедствия интерпретируются в качестве наказания за нечестие: «вот как Содом и Гоморра погибли за разврат, вот также и нас сожжёт Господь огнём, этот мир сожжёт. Такие крупные города, как Москва, Питер, погибнут»². Но чаще причинно-следственные отношения отсутствуют.

¹ О спасении. Города. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir.482ua.com/index.php/pr/pp/95-gor> (дата обращения: 06.04.2020).

² Предсказания старца Христофора о будущем России и мира. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fpolitinform.su%2F115604-predskazaniya-starca-hristofora-o-buduschem-rossii-i-mira.html> (дата обращения: 06.04.2020).

В принципе, это соответствует логике мифа, ибо мы имеем дело с контаминацией двух мифологических сюжетов, имеющих различный генезис: миф о нечестии горожан и мифологический нарратив о «городской эсхатологии».

Среди эсхатологических бедствий, которым предстоит обрушиться на город, как правило, упоминаются, *без уточнения того, о каком именно городе идет речь*:

- Голод – например: «Будет страшный голод, в городах люди в своих квартирах будут умирать с голоду, трупы будут валяться по квартирам. Не будет ни воды, ни электричества, ни газа»¹ или «А в городе... какая страсть будет! Свет отключат, газ отключат, воду отключат ... не будет ничего, а люди чуть не заживо гнить будут в квартирах»².

- Бандитизм – например: «Банды бандитов будут бесконечно совершать свои злодеяния, даже днем передвигаться в городе будет опасно, на ночь же люди будут собираться большими группами, дабы вместе попытаться дожить до утра. Восход солнца, увы, возвестит не радость нового дня, но горе необходимости прожить этот день»³.

Упоминаемые в качестве эсхатологических событий войны и природные катастрофы (прежде всего, землетрясения и провалы под землю) тоже затрагивают города и городских жителей, однако, в отличие от перечисленных выше, они конкретизированы: речь идет о конкретных городах, что уже соответствует субкатегориальному значению.

В качестве элемента семиозиса эсхатологический концепт «город» на категориальном уровне обладает значением «место нечестия и эсхатологических бедствий», этому соответствует дополнительное значение: «место, откуда следует бежать». Понимаемый таким образом, город становится эсхатологическим символом. Отметим, что в качестве семиотического заменителя города (семиотическая структура второго уровня) могут выступать квартиры в многоэтажных домах. В этом случае имеет место метонимический перенос по типу переноса значения с части на целое.

¹ Православные старцы: пророчества и о спасении в последние дни. [Электронный ресурс]. URL: <http://protivkart.com/main/5296-pravoslavnye-starcy-prorochestva-i-o-spasenii-v-poslednie-dni.html> (дата обращения: 06.04.2020).

² Там же.

³ Некоторые пророчества. [Электронный ресурс]. URL: <https://3rm.info/publications/67121-nekotorye-prorochestva-v-rossii-sluchitsya-nechto-vrode-gosudarstvennogo-perevorota.html> (дата обращения: 06.04.2020).

Категориальное значение концепта «деревня» в анализируемом дискурсе может быть определено как своего рода «относительное эсхатологическое убежище», место относительного достатка и спокойствия:

«Приобретайте землю, она спасет от голода. Лучше жить при земле, т. е. в деревне на всем своем. Независимость от властей – очень важно. А в городе все примут (печать антихриста – прим. А.П.), когда скажут: “Иначе отключим отопление, освещение, газ, канализацию, телефон”»¹.

При этом деревенская жизнь вовсе не выступает символом *полного благополучия*: жизнь в деревне трудна, деревня испытывает негативное воздействия города. Но в апокалипсическую эпоху полного и устойчивого благополучия ожидать не следует нигде, разве что только в совершенно уникальных, выделенных местах, о которых речь здесь не идет («Покупайте домики в деревне... будем питаться кореньями, травами, и надо собирать лист липы. Вот вам будет хлеб и вода»²).

Демонизация города и городских жителей проявляется в сюжетах о нападении городских бандитов на бежавших из городов в последние времена жителей: «Я же говорил тебе, что деревня тоже будет убежищем относительным. Видел я толпы голодных, осатаневших от происходящего, от своих грехопадений горожан, выходивших на разбой в села»³. Демонизации города способствует взаимодействие типичных урбанобобских мифологем с мифологемами технобобскими (город – плацдарм вредных и пагубных технологий) и медицинскими мифологемами (трансплантология [7, с. 184], вымышленные болезни [4], использование вредных медицинских практик, вакцинирование).

Субкатегориальное значение семиотического концепта «город», как явствует из вышесказанного, формируется в условиях конкретного коммуникативного контекста и в соответствии с прагматикой коммуникативной ситуации.

Неколичественный контент-анализ [10, с. 14] эсхатологического сборника «Православные старцы: пророчества о спасении в последние дни» (объем около 125 тысяч словоупотреблений) выявил упоминание 14 урбанонимов в связи с описанием эсхатологических событий. Предсказанные судьбы конкретных городов полностью соответствуют категориальному значению семиотического

¹ Предсказания про голод. [Электронный ресурс]. URL: <https://proroch-starcev.my1.ru/index/golod/0-25> (дата обращения: 06.04.2020).

² Пророчества старцев, война и три великих чуда. Часть 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2014-03-10-61175> (дата обращения: 06.04.2020).

³ Предсказания старца Антония: «Восход солнца, увы, возвестит не радость нового дня, но горе необходимости прожить этот день». [Электронный ресурс]. URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2012-04-13-20850> (дата обращения: 06.04.2020).

концепта «город», но при этом детали, относящиеся к субкатегориальному уровню, варьируют в соответствии с прагматикой и эсхатологической фантазией языковой личности автора пророчеств. Эти данные для наглядности представлены в виде таблицы.

Таблица

Эсхатологическое будущее городов

№	Название города	Эсхатологическое будущее
1	Москва	1. Погибнет. 2. Падет. 3. Провалится. 4. Частично провалится. 5. Сгорит за несколько часов.
2	Питер/Петербург	1. Погибнет. 2. Падет. 3. Уйдет под воду. 4. Провалится. 5. Так будет называться море.
3	Казань	Будет море.
4	Челябинск	1. Завоюют китайцы. 2. Челябинские заводы останутся и опустеют, останется одна охрана. Затем эти обесточенные, бездействующие заводы будут проваливаться под землю.
5	Пермь	Под землю провалится.
6	Тула	В Туле провалятся Ленинский район и Скуратово местами.
7	Тюмень	Сам город провалится, особенно его середина.
	Златоуст	Во время уральского землетрясения его закидает камнями и зальет водой.
8	Одесса	Разъедется, поделится на куски, начнет двигаться.
9	Киев	Крещатик провалится.
10	Нью-Йорк	Исчезнет.
11	Вашингтон	Исчезнет.
12	Париж	Будет совершенно уничтожен.
13	Лос-Анджелес	1. Будет подвергаться разрушениям от страшных морских бурь, от воды. 2. Сгорит в огне и лаве.
14	Иерусалим	Станет центром вселенной (под властью антихриста).

В отличие от концепта «города», семиотический концепт «деревня» не развивает субкатегориального значения. Если город достаточно индивидуален, что проявляется, в том числе, и в нюансах пророчимых эсхатологических перипетий, то деревня в анализируемых дискурсах унифицирована, анонимна, лишена индивидуальных отличительных признаков. Структурное значение концепта «деревня» – находится в оппозиции «городу».

Соответственно, субкатегориальный уровень значения для этого противопоставления не существенен, поскольку: (1) городу противостоит любая деревня; (2) все, что противопоставляется городу, в силу этой оппозиции объявляется деревней. Формируется своеобразный сельский фундаментализм [5]. Даже словарное определение деревни перестает работать.

Из этого следует, что в анализируемом дискурсе «деревня» трансформируется в знак с исключительно широким денотатом. С этим концептом может соотноситься все, что лишено многоэтажной застройки, которая метонимически указывает на город, например, «маленький городок без сатанинского изобретения – многоэтажек, скажем, отдаленный одноэтажный райцентр»¹.

Поскольку область денотата предельно широка, она оказывается способной включать в себя метафоры и метонимии: упомянутый в примере провинциальный город, лишенный «многоэтажек», семиотически ассоциируется с деревней, поскольку город без «многоэтажек» уже не *воспринимается* как таковой, даже если *является* им с административной точки зрения. Однако, чем шире область денотата знака, тем менее развито его субкатегориальное значение. В мифологических нарративах не столько интерпретируется реальность, сколько конструируется квазиреальность [13, с. 81, 85–86].

Согласно логике нарратива, совершенно неприципиально в какую именно деревню бежать (за исключением особых топосов, которые в данной работе не рассматриваются). Субкатегориальные характеристики теряют смысл. Следует отметить, что в дискурсе, тем не менее, фиксируется интересное уточнение – чем дальше от города расположена деревня, тем лучше для спасающихся в ней. Возможно, в результате процессов семиозиса, это отличие сформирует субкатегориальное значение, однако в настоящее время говорить об этом явно преждевременно.

Гиперкатегориальный уровень значения бинарной оппозиции *деревня-город* проявляется в мифе о вечном возвращении (ранее нами проанализированном [12]). Согласно этому мифу, после эсхатологических событий, «когда все народы на Земле изменятся, то будет истинное братство, немногие выжившие сойдут с гор и обнимутся, потому что новое дыхание жизни придет не с моря, а с гор. Когда три эпохи завершатся, человек вернется в пещеры, чтобы учиться жить»². Обновлению жизни на Земле, пережившей эсхатологическую

¹ Предсказания старца Антония: «Восход солнца, увы, возвестит не радость нового дня, но горе необходимости прожить этот день». [Электронный ресурс]. URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2012-04-13-20850> (дата обращения: 06.04.2020).

² О спасении. Обновление земли [Электронный ресурс]. URL: <http://mir.482ua.com/index.php/pr/pp/178-obnovlenie-zemli> (дата обращения: 06.04.2020).

катастрофу, соответствует конец урбанизма и демонизированной городской культуры вообще, поскольку «во всех вариантах эсхатологического мифа новый мир описывается как лучший, благой мир. Первый образ этой части мифа – цветущая и плодоносящая земля» [14].

Ожидаемое «истинное братство» нового человечества имплицитно противопоставляется современному состоянию общества, характеризующемуся антитезой *деревня-город*, что является дополнительным инструментом семиотической акцентации мифологемы возвращения «золотого века», пробужденного «дыханием жизни». Соответственно, гиперкатегориальное значение может быть соотнесено с мифологемой «золотого века», в дискурсах архаизированной традиции соотносимой с «жизнью на земле», деревенским, а не городским образом жизни.

Выводы

Согласно анализируемым пророчествам, город не переживет апокалипсиса. В этом можно ощутить интуицию его (города) онтологической неподлинности, характерную для аграрной архаизированной культуры вообще.

Мифотеологему «эсхатологического города» сегодня развивают горожане, ориентированные на деревенскую архаику, не только идеализирующие последнюю, но и готовые провозгласить ее высшей онтологической ценностью, которую символизирует «золотой век».

Разумеется, такой образ деревни имеет мало общего с современной реальностью, поскольку основывается на мифологемах, конструируемых и развиваемых городскими жителями, зачастую не имеющими никакого реального опыта деревенской жизни.

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. – Л.: Наука, 1988. – 278 с.
2. Богачев А. М. Фильмы ужасов и ночные кошмары: некоторые аспекты психологического анализа явлений // Психология и психотехника. – 2019. – № 4. – С. 39–49.
3. Волков В. Н. Архаика русской культуры и модернизация российского общества // Вестник Марийского гос. ун-та. – 2013. – № 11. – С. 30–33.
4. Гессен С. Холерные бунты. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – 72 с.
5. Головушкин Д. А. Фундаментализм: проблема дефиниций, измерений и векторов // Экспертная деятельность в сфере социальных наук: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 г. / под ред. А. В. Воронцова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 130–136.

6. Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре // Социологический журнал. – 1999. – № 3–4. – С. 5–19.
7. Лебедев В. Ю. Трансплантологические мифы и эрозия приватности // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2019. – Т. 21. – № 5. – С. 184.
8. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Современное «царебожничество»: история семиосферы и категориальная семиотика концептов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 4-1. – С. 22–38.
9. Малафеева М. А. Бинарные и сверхбинарные оппозиции в контексте старообрядческого эсхатологического дискурса // Вестн. Русской христ. гуманит. акад. – 2014. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 225–231.
10. Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – № 3 (9). – С. 13–18.
11. Попович Ю. Н. Мифология в концепции К. Леви-Стросса. // Вестник Московского гор. пед. ун-та. Серия: Философские науки. – 2015. – № 4 (16). – С. 67–77.
12. Прилуцкий А. М. Семантика мифологемы о вечном возвращении в дискурсах народной православной эсхатологии // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 27. – С. 48–54.
13. Смирнов М. Ю. Мифология и религия в российском сознании. Методологические вопросы исследования. – СПб.: Летний сад, 2000. – 130 с.
14. Якимова Е. Г. К вопросу об эволюции метафизики эсхатологии // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). – С. 272–282.
15. Davis E. *TechGnosis: Myth, Magic & Mysticism in the Age of Information* / updated ed. with new afterword (1998). Serpent's Tail: Five Star Paperback, 2005. 372 p.
16. Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology* (1958) / Transl. to engl. New York: Basic Books, 2008. 448 p.

References

1. Bernshtam T. A. (1988). *Molodezh' v obryadovoj zhizni russkoj obshchiny XIX – nachala XX v.* [Youth in the ritual life of the Russian community of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka. 278 p. (In Russian).
2. Bogachev, A. M. (2019). *Fil'my uzhasov i nochnye koshmary: nekotorye aspekty psichologicheskogo analiza yavlenij* [Horror films and nightmares: some aspects of the psychological analysis of phenomena]. *Psichologiya i psichotekhnika* [Psychology and Psychotechnics]. Vol. 4. pp. 39–49. (In Russian).
3. Davis E. *TechGnosis: Myth, Magic & Mysticism in the Age of Information* / updated ed. with new afterword (1998). Serpent's Tail: Five Star Paperback, 2005. 372 p.
4. Gessen, S. (1932). *Holernye bunty*. [Cholera riots]. Moskva: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noselentsev. (In Russian).
5. Golovushkin, D. A. (2019). *Fundamentalizm: problema definicij, izmerenij i vektorov* [Fundamentalism: the problem of definitions, measurements and vectors]. *Ekspertnaya deyatel'nost' v sfere gumanitarnyh nauk* [Expert activity in the field of humanities]. Proceedings of the international scientific and practical conference (Sankt-Peterburg, 2019). Sankt-Peterburg: RGPU imeni A. I. Gercena, pp. 130–136. (In Russian).

6. Kostyuk, K. N. (1999). Arhaika i modernizm v rossijskoj kul'ture [Archaic and modernism in Russian culture]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3–4. pp. 5–19. (In Russian).

7. Lebedev V. Yu., Prilutskiy A. M. (2018). Sovremennoye “tsarobozhnichestvo”: istoriya semiosfery i kategorial'naya semiotika kontseptov [Modern “Tsarobozhnichestvo”: the history of the semiosphere and categorical semiotics of concepts]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. Vol. 10. No. 4-1. pp. 22–38. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/1 (In Russian).

8. Lebedev, V. Yu. (2019) Transplantologicheskie mify i eroziya privatnosti [Transplantological myths and erosion of privacy]. *Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov* [Bulletin of transplantology and artificial organs]. Vol. 21. No. 5. p. 184. (In Russian).

9. Lévi-Strauss C. (2008) *Structural Anthropology* (1958) / transl. to engl. New York: Basic Books. 448 p.

10. Malafeeva, M. A. (2014). Binarnye i sverhbinarnye oppozicii v kontekste staroobryadcheskogo eskhatologicheskogo diskursa [Binary and superbinary oppositions in the context of the Old Believer eschatological discourse]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. Vol. 15. No. 2. pp. 225–231. (In Russian).

11. Pashinyan, I. A. (2012). Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ograničeniya [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scientific periodicals: problems and solutions]. Vol. 3 (9). pp. 13–18. (In Russian).

12. Popovich, Yu. N. (2015). Mifologiya v koncepcii K. Levi-Strossa [Mythology in the concept of K. Levy-Strauss]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences]. No. 4 (16). pp. 67–77. (In Russian).

13. Prilutski, A. M. (2019). Semantika mifologemy o vechnom vozvrashchenii v diskursah narodnoj pravoslavnoj eskhatologii [Semantics of mythology about the eternal return in the discourses of folk Orthodox eschatology]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies]. Vol. 27. pp. 48–54. (In Russian).

14. Smirnov, M. Yu. (2000). *Mifologiya i religiya v rossiyskom soznanii. Metodologicheskie voprosy issledovaniya* [Mithology and religion in Russian consciousness. Methodological issues of the research]. Sankt-Peterburg: Letnii sad. 130 p. (In Russian).

15. Volkov, V. N. (2013). Arhaika russkoj kul'tury i modernizaciya rossijskogo obshchestva [The archaic of Russian culture and the modernization of Russian society]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University]. Vol. 11. pp. 30–33. (In Russian).

16. Yakimova, E. G. (2011). K voprosu ob evolyucii metafiziki eskhatologii [On the evolution of the metaphysics of eschatology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Scientific reports of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law Science]. Vol. 8 (103). pp. 272–282. (In Russian).

Философская антропология, философия культуры
Philosophical anthropology, philosophy of culture

Об авторе

Прилуцкий Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0002-7013-9935, e-mail: alpril@mail.ru

About the author

Alexander M. Prilutski, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7013-9935, e-mail: alpril@mail.ru

Поступила в редакцию: 00.00.2020

Received: 00 June 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020